

УДК 42.7:316.72(=1.4/9)

ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА КАК УСЛОВИЕ СОХРАНЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ И ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

М.А. Зенько-Немчинова

Анализируются связи между обеспечением и защитой прав и свобод человека и сохранением этнокультурных идентичностей и этнокультурного наследия.

Ключевые слова: права человека; обеспечение и защита прав и свобод человека и гражданина; личные и культурные/этнокультурные права; этнокультурная идентичность; этнокультурное многообразие; этнокультурное наследие.

Права человека, являясь одной из высших цивилизационных ценностей, определяют собой не только возможности (и условия) использования различных материальных и нематериальных благ, претворения важнейших жизненных потребностей и интересов, творческого и иного свободного развития личности, но также возможность и необходимость собственной правовой защиты [1; 2]. Складываясь объективно, они не зависят от специального признания и потому призваны реализовываться вне зависимости от государственных границ. То же самое касается их защиты.

Обеспечение и защита прав человека, как известно, выступает одной из наиважнейших обязанностей всех современных демократических (а равно и псевдодемократических) государств. Устанавливаемая формально (права человека зафиксированы в нормах внутригосударственного и международного права), эта обязанность (функция) обуславливается, прежде всего, общим ходом социальной истории человечества.

Аналогичным образом на развитие прав и свобод человека и гражданина оказывают влияние социально-экономические, культурные, политические и иные запросы общества. Они детерминируют собой их состав и содержание в соответствии с теми изменениями, которые испытывают.

Одновременно контент значительной части (прежде всего, универсальных) прав и свобод человека продолжает соответствовать содержанию основных потребностей и интересов. Некоторые из этих личных (личностных) потребностей и интересов – в соответствии с той или иной ситуацией, этапом развития общества – начинают акценту-

ироваться сильнее других. Вследствие этого, они приобретают ярко выраженный общественно-значимый, и, зачастую, общественно-политический характер. Подобное наблюдается, когда потребности и интересы одного человека совпадают с потребностями и интересами многих людей (группы, групп, общества в целом).

В таких случаях, как показывает опыт, происходит запуск процессов актуализации не только каких-то определенных прав человека, но также прав и свобод человека как гражданина. То есть возникает необходимость того, чтобы в рамках одного или нескольких государственных образований были созданы как можно более полные (достаточные) условия для реализации какого-то определенного или нескольких прав и свобод и обеспечены их охрана и защита.

В современной политико-юридической действительности реализации прав и свобод человека и гражданина препятствуют разные причины. Не ставя целью рассмотрение всего их спектра, в контексте рассматриваемой здесь проблемы хочется указать на одно из таких обстоятельств. В частности, это сохраняющаяся возможность по-разному интерпретировать содержание прав и свобод человека и гражданина и варьировать их приоритетность по отношению к другим правам и свободам, отталкиваясь как от норм и законов (речь идет о судебно-процессуальной практике), так и не являющихся догматическими классификаций общей теории права, а также противоречащих порой друг другу понятий и концептов иных отраслей наук.

Представляется, что, помимо прочего, данные тенденции способны серьезно влиять на кон-

солидацию некоторых личных потребностей и интересов человека и провоцировать превращение их в групповые (коллективные). Сплочение групповых потребностей и интересов становится, как правило, условием и предпосылкой для организации их последовательного и часто активного отстаивания (защиты) средствами права. В дальнейшем борьба групп за законные интересы либо по инициативе самих групп, либо по инициативе государства или же других заинтересованных участников начинает приобретать политический оттенок и обнаруживать направленность, не свойственную ей изначально.

Так происходит с некоторыми личными правами и свободами человека и гражданина, которые в государственно-правовом дискурсе, в зависимости от ситуации и политических установок самого государства, стремятся представлять по-разному: как политические или социально-экономические, как “всего лишь” культурные или другие. Не смотря на то, что все продекларированные права и свободы человека и гражданина должны соблюдаться и защищаться государствами в равной степени, они, тем не менее, не все и не всегда обеспечиваются и, более того, иногда старательно игнорируются вовсе или же “переосмысливаются” в выгодном для государств свете.

Можно привести немало примеров из правовой жизни государств, свидетельствующих о том, как единичные нарушения или даже попытки нарушений отдельных личных прав человека интерпретировались (или замалчивались) таким образом, что приводило, в результате, к массовому произволу и острим, в том числе, межгрупповым, конфликтам. И, напротив, можно найти примеры о том, как коллективные требования об исполнении, обеспечении отдельных прав и свобод человека низводились на индивидуально-бытовой, или “никакой” уровень.

К сожалению, проблема истолкования содержания прав и свобод человека и гражданина, понимания их смыслового и целевого значения усугубляется такими негативными явлениями, как правовой нигилизм и правовая непросвещенность населения. Нередко весьма образованные люди не правильно трактуют для себя те или иные права человека или даже не знают о них, либо вообще отрицают наличие и ценность каких-то конкретных прав и свобод человека. В некоторых странах, например, достаточно распространенным остается правовое заблуждение о том, что говорить в публичных местах, в том числе на улице и в общественном транспорте, на каком-нибудь другом языке, кроме общепотребимого, представляется не этичным и даже нарушает права других людей (!).

В то же время право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества в разных формулировках провозглашено в качестве одного из основных прав человека и гражданина в конституциях разных стран [2].

Кстати, часто именно такого, этнокультурного, содержания права и свободы не обеспечиваются государствами полно, различно интерпретируются, нарушаются, замалчиваются и, конечно, квази-политизируются. Во всем мире так называемые этнокультурные права и свободы, выражая собой сосредоточие особых правовых возможностей человека, становятся предметом пристального внимания правозащитных и других общественных, в том числе международных, организаций. Будучи конгруэнтны содержанию основных этнокультурных потребностей и интересов человека, этнокультурные права и свободы создают необходимые (правовые) условия для особого – этнокультурного – самовыражения человека, его этнической самоактуализации.

В теории права и правоприменительной практике этнокультурные права и свободы человека (и гражданина) не выделяют и не обозначают как таковые. Их относят к личным, нередко к культурным и даже социальным. Безусловно, этнокультурные права и свободы (поскольку они универсальны в целом) можно соотнести и с теми, и с другими. Однако, в основном, следуя упрощенной логике (и/или распространенной политике), многие, в том числе профессионалы, автоматически увязывают содержание этнокультурных прав и свобод со сферой культуры.

Между тем культурные и этнокультурные права и свободы, хотя и близки друг другу в определенном контексте, тем не менее, соответствуют различающимся потребностям и интересам и, определенно, пронизаны разным содержанием.

Осознание человеком своих этнокультурных прав и свобод, как и осознание фактов их нарушения, происходит особым образом, так как обуславливается не просто четко определенными (уже сформированными) этнокультурными потребностями и интересами человека, а более глубинными процессами, охватывающими как психологию отдельной личности, так и “психологию народов”, – процессами этнической самоидентификации [3; 4].

Как свидетельствуют данные специальных опросов по теме прав и свобод человека, проведенных в ноябре 2002 и в августе 2013 гг. информационным каналом Subscribe.Ru, пользователи Рунета четко улавливают нарушения основных прав и свобод и отличают их друг от друга, отдельно выделяя

нарушения этнической направленности. Так, например, дискриминационное отношение к себе они разделяют на дискриминацию расовую (по цвету кожи и проч.) и дискриминацию по национальному, этническому признаку и языку: в первом случае количество проявлений дискриминации, по их оценкам, увеличилось за обозначенный период с 1,3 % до 2,9 %, во втором – с 11,6 % до 13,6 % [5].

Среди других нарушений прав и свобод этнической направленности пользователи Рунета указывают на нарушения в области реализации права (и свободы) выбора национальности и языка общения. Здесь, напротив, фиксируется уменьшение нарушений с 8,6 % до 6,4 %, что, очевидно, прежде всего, следует объяснять и связывать с проведенной в начале 2000-х гг. административно-правовой реформой, предусматривавшей обязательную и повсеместную замену общегражданских паспортов на новые, не содержащие графы “национальность”.

Парадоксально то, что данный шаг замыслился и был исполнен как новый и очередной способ искоренения условий, позволяющих существовать этническому различению граждан. Устранение формализованных требований об указании национальности в паспортах и листках учета должно было, по замыслу отдельных “политиков от науки” и одобрившего его госаппарата, победить этнические стереотипы, превентировать возможные межнациональные противоречия и обеспечить гармонизацию соответствующих отношений в многонациональном государстве. Однако становление к настоящему времени новой исторической общности, в которой каждый чувствовал, осознавал и определял бы свою этническую принадлежность как “многонациональность” (а это предлагалось даже в одном из вариантов проекта федерального закона об основах государственной политики в сфере межнациональных отношений, пытавшегося пробиться к жизни в 2005–2006 гг.) не произошло. И, думается, не произойдет (как минимум, в ближайшее столетие) по разным объективным причинам.

Напротив, любые попытки зарихтовать этнически окрашенные конфликты, правонарушения и преступления, представив их как бытовые, хулиганство разной степени, разбой или другое, как, впрочем, и невозможность гражданами полно реализовывать этнокультурные права и свободы (этнокультурные потребности и интересы) приводит к еще большему этносоциальному напряжению в обществе. По сути, возникает своеобразная цепная реакция: унификация законодательства, стремление избежать его этнизации и не видеть этнической подоплеку многих негативных явлений вле-

чет за собой все новые и новые нарушения прав и свобод в этнокультурной сфере. Показательно, что подобный процесс наблюдается практически во всем мире.

В России этнокультурные права и свободы человека и гражданина, как и в целом этноориентированные правовые нормы, присутствуют не только в Основном, но и в других федеральных и региональных законах и должны (как и все права и свободы, нормы и законы) неукоснительно исполняться. Вместе с тем такое конституционное (основное) право [6], как право определять и указывать свою национальную принадлежность [7], считающееся одним из личных, гражданских прав, на сегодняшний день реализуется не полностью. Каждый пожелавший указать свою национальную принадлежность не сможет, как раньше, воспользоваться графой “национальность” в документе, удостоверяющим личность. Очевидно, сохранение в паспортах данной или аналогичной графы, а, главное, предоставление собственно самой свободы волеизъявления в отношении (принятия) решения о производстве записи о национальной принадлежности, обеспечило бы соблюдение заявленного права.

Следовательно, очень важно, чтобы утрата этой, ранее предоставленной правовой возможности (“указывать ...”), была компенсирована (в идеальном варианте) или устранена тем или иным, допустимым с позиций государства и права, способом. Причем ее компенсирование, предполагая восстановление положения, существовавшего до нарушения данного права (возникшего относительно недавно), уже будет являться его защитой. В то же время устранение нарушения, требующее от государства более серьезных правовых усилий, так как только с помощью правовых механизмов оно может обеспечить восстановление нарушенного права и создать условия для использования средств и способов к его восстановлению и защите теми, чье право нарушено, будет считаться его полноценной и комплексной правовой защитой в целом [6].

Кстати, одним из возможных способов устранения нарушения данного права могла бы явиться редакция соответствующей конституционной правовой нормы, что с учетом постоянно ведущейся дискуссии о принятии нового Основного закона, уже внесенных в него и вновь готовящихся очередных поправок, соответствовало бы направлению развития законодательства. Как известно, законы могут устаревать и требовать новых редакций в соответствии с изменившимися запросами общества, изменившейся исторической ситуацией, что не яв-

ляется исключением (причем, в первую очередь) и для конституций.

Анализируя право определять национальную принадлежность отдельно без возможности (фактически – свободы) указывать последнюю (т. е. заявлять о ней письменно или устно), нельзя не заметить его самодостаточности. Такая самодостаточность обусловлена ничем иным как соответствием данного права содержанию и целям конкретных этнокультурных потребностей и интересов человека (личности).

Национальную принадлежность, или так называемую национальность человека, можно рассматривать упрощенно как результат его этнокультурного самоопределения или самоидентификации [3], процессов, выступающих частью более общих этнокультурных (этнических), характерных для развития человеческих общностей вообще.

Право человека (и гражданина) определять свою национальную принадлежность – абсолютно естественное право, которое возникает с момента рождения человека и реализуется по мере созревания у него соответствующей потребности отличать себя от одних людей и идентифицировать себя с другими. Осознание себя в данном качестве происходит в процессе постижения человеком жизненного (в том числе культурного/этнокультурного) опыта и актуализируется только через его отношения с другими людьми [4, с. 72].

Функционирование (существование) на Земле различных этнокультурных сред, этнокультурных/этнических общностей, как и всех других биосоциальных организмов [8], согласно законам природы, подразумевает их дальнейшее сохранение и развитие и, соответственно, воспроизводство. Причем воспроизводство не только в физическом смысле, но и ментально-(этно)психическом.

Правовая возможность человека осознавать, чувствовать и представлять себя тем, кто он есть в этнически разнообразном мире, – это, фактически, одна из необходимых правовых предпосылок для сохранения этнокультурного многообразия и общемирового нематериального и материального этнокультурного наследия, аккумулирующего в себе уникальный этнокультурный опыт различных человеческих коллективов.

Являя собой огромную цивилизационную ценность (так же, как и права человека), этнокультурное наследие нуждается в особом правовом внимании, охране и защите.

Поскольку данный феномен воплощает в себе результаты различных видов эколого-хозяйственно-культурной деятельности и связанных с ними процессов этнического, этнокультурного самовыражения, он играет важную роль в дальнейшем саморазвитии этнокультурных идентичностей [9].

Обеспечение и защита прав и свобод, отвечающих определенным этнокультурным потребностям, интересам и запросам человека и общества, в частности, права и свободы человека определять свою национальную/этнокультурную идентичность, выступает необходимым условием сохранения этнокультурных идентичностей, этнокультурного многообразия и этнокультурного наследия.

Литература

1. Глухарева Л.И. Права человека в современном мире (социально-философские основы и государственно-правовое регулирование) / Л.И. Глухарева. М.: Юристъ, 2003. 304 с.
2. Права человека: словарь-справочник. М.: Инфра-М, 2001. 204 с.
3. Александренков Э.Г. Этническое самосознание или этническая идентичность? / Э.Г. Александренков // Этнографическое обозрение. 1996. № 7. С. 15–34.
4. Вяткин Б.А., Хотинец В.Ю. Этническое самосознание как фактор развития индивидуальности / Б.А. Вяткин, В.Ю. Хотинец // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 25. С. 69–75.
5. URL: <http://subscribe.ru/archive/optin.custom/201309/06165551.html?clearview&> (дата последнего обращения 29.09.2013 г.)
6. Экштайн К.А. Основные права и свободы по Российской конституции и Европейской конвенции: учебн. пособ. для вузов / К.А. Экштайн. М.: NotaBene, 2004. 403 с.
7. Конституция Российской Федерации (официальный текст). М.: НОРМА, 2011.
8. Широкогоров С.М. Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений / С.М. Широкогоров // Известия Восточного факультета Государственного Дальневосточного университета. Вып. LXVII. Шанхай, 1923. 134 с.
9. Schneider J. Deutschsein. Das Eigene, das Fremde und die Vergangenheit im Selbstbild Des Vereinten Deitschland // J. Schneider. Frankfurt – New-Jork: Campus Verlag, 2001. S. 36–38.